

Мильтон Джон

**Потерянный и
Возвращенный рай**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон М.**
Потерянный и Возвращенный рай / Мильтон Джон – М.: Книга по Требованию,
2024. – 348 с.

ISBN 978-5-519-96582-8

ISBN 978-5-519-96582-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

КНИГА I.

Первая книга сперва открываетъ намъ въ сокращенномъ видѣ содержаніе всей поэмы, именно: послушаніе челоуѣка и изгнаніе его изъ Рая; и указываетъ на первую причину его паденія, Змѣя, или, вѣрнѣе, скрывшагося въ змѣѣ Сатану, послѣ того, какъ возмущившійся на Бога Сатана былъ изгнанъ со своими полчищами мятежныхъ ангеловъ изъ обителей Неба и ввергнутъ съ ними въ великую бездну. Затѣмъ начинается самое дѣйствіе. Сатана и Ангелы его изображаются упавшими въ Адъ, который здѣсь помѣщенъ не въ центрѣ (ибо полагается, что Небо и Земля въ то время еще не были созданы),—а въ пространствѣ полного мрака, называемомъ хаосомъ. Здѣсь они нѣкоторое время остаются въ оцѣпенѣніи. Мало-по-малу Сатана приходитъ въ себя, и обращается къ лежащему рядомъ первому изъ его товарищей по силѣ и значенію. Они бесѣдуютъ о своемъ жалкомъ паденіи. Сатана пробуждаетъ свои легіоны, лежавшіе до сихъ поръ въ смятеніи и разстройствѣ: они встаютъ и строятся въ боевомъ порядкѣ. Ихъ главные военачальники названы здѣсь по именамъ языческихъ божествъ, въ послѣдствіи извѣстныхъ въ Ханаанѣ и смежныхъ странахъ. Сатана обращается къ нимъ съ рѣчью, ободряетъ ихъ надеждой вновь пріобрѣсти Небо, и въ концѣ сообщаетъ имъ о древнемъ пророчествѣ, предсказывавшемъ сотвореніе новаго міра и новыхъ существъ на немъ; ибо многіе изъ древнихъ отцовъ держались того мнѣнія, что Ангелы существовали раньше видимаго міроустройства. Дабы изслѣдовать истину этого предсказанія и остановиться на подобающемъ рѣшеніи, онъ созываетъ совѣтъ. Описываются труды его сподвижниковъ. Изъ бездны возстаютъ создаваемый ими чертогъ Сатаны, Пандемоніумъ; тамъ засѣдаютъ въ совѣщаніи адскіе вожди.

О Муза, дочь небесъ! воспой со мною
Первоначальный челоуѣка грѣхъ,
И плодъ запретный, чей смертельный ядъ
Ввелъ въ міръ печаль и смерть, и Рая настъ

Лишилъ,—доколѣ Величайшій Мужъ
Намъ не вернулъ спасенья и блаженства.
Не ты ль во время оно вдохновляла,
На высотѣ Хорива иль Синая,
Того, кто первый избраннымъ повѣдалъ,
Какъ хаосъ небеса родилъ и землю?
Когда жъ тебѣ милѣй холмы Сіона,
И воды Силоама, по Глаголу
Господнему бѣгушія,—зову
Оттолъ тебя на помощь смѣлой пѣснѣ,
Замыслившей подняться дерзновенно
Надъ высью Аонійской, и воспѣтъ
То, что никѣмъ доселѣ не воспѣто.
И Ты, о Духъ, Кому угоднѣй храмовъ
Безхитростное, искреннее сердце,
Учи меня. Ты отъ начала міра
Все видѣлъ, и надъ бездною, какъ голубь,
Виталъ, могучія раскрывши крылья,
И бездну оплодотворилъ. Разсѣй
Мой мракъ, и низкое во мнѣ возвысь,
Да поддержку достойно Провидѣнье,
И Бога оправдаю предъ людьми.

Скажи сперва—тебѣ открыто все,
И Рай и Адъ,—какъ праотцы могли,
Всѣмъ міромъ обладая, преступить
Велѣнья Бога, ради запрещенья
Единаго,—и кто ихъ соблазнилъ?
То адскій змѣй, когда съ своею ратью
Мятежныхъ духовъ за гордыню былъ
Низвергнуть съ Неба. Завистью терзаясь,
Замыслилъ мать людей онъ обольстить,
И въ томъ успѣлъ. Мечталъ онъ превзойти
Себѣ подобныхъ въ славѣ, и сравняться
Съ Предвѣчнымъ. Полонъ жара честолюбы,
На Царство Бога и Престолъ Господень
Подвигнулъ святотатственную рать
Въ попыткѣ тщетной. Всемогущей силой
Съ небесъ эфирныхъ свергнуть былъ, пылая,
Въ бездонную погибель,—гдѣ терзались

Въ цѣпяхъ ихъ адаманта и въ огнѣ
Карающемъ возставшіе на Бога.
Тамъ девять сутокъ—по людей счисленю,—
Съ ужасною дружиной онъ своей
Лежалъ, колеблясь въ огненномъ пространствѣ,
Разбить, хотъ и безсмертенъ. Но готовилъ
Иныя муки рокъ ему: Сознанье
Минувшихъ благъ и длительныхъ страданій
Гнететъ его; онъ мрачными очами
Глядитъ вокругъ: въ нихъ борется тоска
Съ надменностью и злобою упорной.
И далеко, насколько взоръ объемлетъ,
Онъ зреть унынье дикое вокругъ.
Со всѣхъ сторонъ ужасная темница
Горитъ огнемъ; но свѣта не даетъ
То пламя, видимой лишь сдѣлавъ тьму,
И въ ней являя мрачныя картины
Унылыхъ странъ, тѣней печальныхъ полныхъ.
Тамъ мира нѣтъ, тамъ мѣста нѣтъ надеждъ,
Доступной всѣмъ живымъ: одно мученье
Безсмѣнное и пламени потопъ,
Питаемый неистребимой сѣрой.
Здѣсь мѣсто непокорнымъ Правосудье
Назначило; здѣсь въ безпросвѣтной тьмѣ
Внѣдрило ихъ,—отъ свѣта въ Небесахъ
И Бога отдаливъ ихъ втрое дальше,
Чѣмъ крайній полюсъ отдаленъ отъ центра.
О сколь несходно съ тѣмъ, откуда пали!
И видитъ онъ товарищей своихъ,
Окутанныхъ потоками огня,
И близъ себя того, кто первый властью
И злобой послѣ самого его,—
Того, кого позднѣе въ Палестинѣ
Веельзевуломъ звали. И къ нему,
Отнынѣ нареченный *Сатаною*,
Безмолвье нарушая, обратился.

О, если ты тотъ самый,—но увы!
Сколь падшій нынѣ, сколь несхожій съ духомъ,
Чей блескъ сіялъ яснѣе мириадъ

Въ отчизнѣ свѣта!—Если тотъ, кого
Со мной соединяли общность мыслей
И замысловъ, высокія надежды
И общая опасность въ славномъ дѣлѣ,
Со мною нынѣ связанъ общей долей
Въ бѣдѣ: смотри, въ какую бездну мы
Упали съ высоты неизмѣримой,
Столь насъ сильнѣй Иной и громъ Его.
Но кто доселѣ зналъ о страшной мощи
Его полковъ? Однако, ради сихъ,
Ни ради новыхъ мукъ, грозящихъ намъ
Отъ властнаго Врага, я не раскаюсь,
И духа своего не измѣню,
Хоть внѣшне потускнѣлъ онъ. Непреклоненъ
Тотъ духъ презрѣнья, оскорбленной чести,
Что съ Грознымъ побудилъ меня сразиться,
И въ бой жестокій легіоны Духовъ
Со мной вовлекъ. Они же, тяготясь
Его господствомъ, выбрали меня,
И мощь свою съ Его столкнули мощью,
И потрясли Престолъ Его. (Пусть бой
Проигранъ нами. Мнѣ остались воля
Несокрушимая, желанье мести,
Безсмертная вражда и убѣжденье,
Что не уступимъ мы и не смиримся:
И развѣ это все не есть побѣда?
Той славы не отнимутъ у меня
Ни гнѣвъ Его, ни сила. Умолять,
Простершись въ прахѣ, власть превозносить
Того, Кто Самъ въ Своей недавно власти
Былъ поколебленъ силой рукъ моихъ,—
Вотъ истинный позоръ, стократъ постыднѣй
Сего паденья. Если жъ сила Духовъ
И свойства ихъ небесныя безсмертны,
И мы остались послѣ сихъ событий
Все тѣ же силой, опытомъ богаче,
То можемъ смѣло, ободряясь надеждой,
Вести борьбу лукавствомъ или силой
Съ Врагомъ, что тамъ, побѣду торжествуя,
Царить Одинъ въ покорныхъ Небесахъ.

Такъ падшій Ангелъ говорилъ хвастливо,
Хоть втайнѣ мукой горькою терзался.
И смѣлый возразилъ ему соратникъ:

О Государь и Вождь несмѣтныхъ силъ,
Въ бой ведшій Серафима, и дѣлами
Безстрашными опасности подвергшій
Царя Небесъ, тѣмъ испытавъ Его
Надъ всѣми превосходство,—силой, рокомъ,
Иль случаемъ рожденное,—я вижу,
Я сокрушаюсь о событіи страшномъ,
Въ паденьи насъ и гнусномъ пораженіи
Небесъ лишившемъ, доблестную рать
Разбившемъ въ прахъ: насколько можетъ гибель
Коснуться сущности боговъ небесныхъ.
Ихъ Духъ и разумъ, такъ же, какъ и прежде,
Нетронуты, и сила возвратится,
Хоть и померкла нынѣ наша слава
И въ горькой мукѣ сгнуло блаженство.
Но что, коль Побѣдитель нашъ, (Кого
Призналъ я Всемогущимъ поневолѣ,
Когда Онъ могъ осилить нашу рать!)
Намъ для того оставилъ силу духа,
Чтобъ крайнія могли терпѣть мы муки,
И тѣмъ насытитъ злобный гнѣвъ Его?
Что, если мнить заложниковъ Своихъ
Заставитъ здѣсь нести тяжелый трудъ,
Среди огня, иль въ непроглядномъ мракѣ?
Къ чему тогда нетронутая сила,
Къ чему безсмертье намъ, когда должны
Безсмѣнную нести мы вѣчно кару?
И гордый Демонъ отвѣчалъ поспѣшно:

О падшій Херувимъ! быть слабымъ стыдно,
Въ страданьи и въ борьбѣ. Но знай одно:
Добра творить не можемъ мы вовѣкъ,
А зло намъ будетъ вѣчною утѣхой,
Затѣмъ что зло противно волѣ Бога,
Съ Кѣмъ боремся. И если Провидѣнье
Замыслило добро извлечь изъ зла,

Мы призваны цѣль извратить Его,
И изъ добра создать орудье злу.
И вѣрь, что намъ удастся причинять
Ему печаль, и отвращать отъ цѣли
Завѣтныя Его предначертанья.
Но вотъ побѣдный Врагъ къ вратамъ Небесъ
Своихъ гонцовъ обратно отзываетъ;
Палящей сѣры градъ, въ свирѣпомъ вихрѣ
Насъ осыпавшій, разметался нынѣ
По огненнымъ волнамъ, принявшимъ насъ
Въ паденьи нашемъ съ неба; бурный громъ,
Пылающею молнией окрыленный,
Удары истощилъ свои, и болѣ
Не раздастся въ роковой пучинѣ.
Воспользуемся мигомъ, даннымъ намъ
Презрѣньемъ ли Врага, иль пресыщеньемъ.
Бзгляни на ту унылую равнину,
Чье запустѣнье въ мракъ погружено,
Лишь изрѣдка и слабо озяряясь
Мертвящимъ блескомъ адскаго огня:
Направимся туда, отъ этой зыби
Бушующей и знойной отдохнуть.
И воинство разбитое собравъ,
Размыслимъ, какъ возможно повредить
Врагу, свои вознаградить потери,
Какъ превзойти тяжелую бѣду,
Какъ почерпнуть въ надеждѣ подкрѣпленье,
Иль твердость намъ въ отчаяннѣ найти.

Такъ говорилъ клевету Сатана,
Подъявъ изъ бездны гордую главу
И взоръ горящій; тѣло же его
Раскинулось на огненномъ пространствѣ
И въ даль и въ ширь, подобно тѣмъ громадамъ,
О коихъ намъ преданья говорятъ.
Таковъ Титанъ, на Зевса длань подъявшій,
Бріарій, иль Тифонъ, при древнемъ Тарсѣ
Сокрытый; иль морской Левіаѳанъ,
Что созданъ Богомъ необъятнѣй всѣхъ
Иныхъ существъ, плывущихъ по водамъ.

Бывало онъ въ волнахъ Норвежскихъ дремлетъ,
И если ночь застигнетъ въ морѣ челнъ,
Его за островъ кормчій принимая,
Вонзаетъ смѣло якорь въ чешую,
И, пріютясь подъ берегомъ отъ бури,
Ночь простоятъ, дождавшись зари.
Такъ злобный Духъ лежалъ во всю длину,
Прикованъ къ безднѣ; и во вѣкъ вѣковъ
Не сдвинулся бъ оттоль, когда бъ рѣшенье
Небесъ ему свободы не дало
Свершать лихіе замыслы свои:
Затѣмъ, чтобъ могъ сугубыми грѣхами
Проклятья на себя нагромоздить,
Другимъ желая зла; и въ злобѣ видѣть
Плодомъ своихъ трудовъ—любовь и благодать,
И всепрощенье человѣку, имъ
Напрасно соблазненному; себѣ же—
Позоръ, и гнѣвъ, и полное смущенье.)
И поднялъ падшій Ангелъ изъ пучины
Высокій станъ; и пламя съ двухъ сторонъ,
Внизъ острыми струяся языками,
Волною отшатнулось, оставляя
Глубокую ложбину посреди.
И, крылья мощныя раскрывъ, понесся
Въ пространствѣ тускломъ, отягчая воздухъ
Неслышанною ношей, и спустился
На сушу, если сушей можно звать
То, что огнемъ горѣло плотнымъ, такъ же,
Какъ жидкимъ озеро. Порою сила
Подземныхъ вихрей гору оторветъ
Пелорія, иль отъ гремящей Этны
Отторгнетъ склонъ;—всѣ тлѣющія нѣдра
Земли огнемъ внезапнымъ восплачутъ,
Питаясь яростью подземныхъ силъ,
И обнажать обугленное дно,
Окутанное смрадомъ и парами.
Подобной почвы прикоснулись ноги
Проклятаго. За нимъ его сподвижникъ
Слетѣлъ. И оба гордостью прониклись,
Избавясь волнъ Стигійскихъ, точно боги,

Благодаря своей воскресшей силѣ,
А не уступкѣ Всемогущей Власти.

—И вотъ страна, и почва, и обитель,—
Архангелъ молвилъ падшій,—чѣмъ смѣнить
Должны мы небо! Сумрачною тьмой
Смѣнить небесный свѣтъ! Да будетъ такъ,
Когда Всесильный быть тому велѣлъ.
Тѣмъ лучше, чѣмъ мы дальше отъ Того,
Кто равныхъ духомъ превзойти сумѣлъ
Лишь силою. Блаженныя поля,
Гдѣ радость вѣчная живетъ, простите!
Привѣтъ тебѣ, отчаянья пріютъ!
Ужасный Адъ, въ свое пріемли лоно
Владыку своего: тебѣ несетъ онъ
Духъ недоступный времени и мѣсту.
Духъ—самъ себѣ отчизна, и въ себѣ
Изъ Неба Адъ творить, изъ Ада—Небо.
Гдѣ бъ не былъ я, я тотъ, кѣмъ долженъ быть,
И лишь Того слабѣй, кто побѣдилъ
Меня одною громоносной силой.
Здѣсь мы свободны; это мѣсто Онъ
Для зависти не создалъ, и отсюда
Насъ не изгонитъ. Здѣсь царить мы будемъ:
И лучше честолюбыю моему
Царить въ Аду, чѣмъ быть рабомъ на Небѣ.
Но почему даемъ своимъ друзьямъ,
Союзникамъ, товарищамъ въ несчастьи,
Въ забвенья безднѣ слѣпо пребывать,
И съ нами не зовемъ дѣлать обитель
Унынья? Почему, созавши рать,
Не испытася, что осталось намъ
Отнять у неба, иль въ Аду утратить?

Сказалъ. И возразилъ Веельзевулъ:
—Начальникъ славныхъ силъ, кого сразить
Могъ только Всемогущій! Пусть ихъ слуха
Коснется голосъ, бывший имъ залогомъ
Надежды въ страхѣ, столько разъ звучавшій
Въ опасности и въ пагубнымъ смятеніи

Кипящей битвы, къ нападенью смѣло
Ихъ звавшій! Въ нихъ тогда воспрянетъ вновь
И жизнь, и смѣлость, хотъ теперъ они
Лежатъ постыдно въ огненной пучинѣ,
Какъ сами мы лежали въ онѣмѣни,
Смутясь паденьемъ пагубнымъ съ Небесъ.
Едва онъ смолкъ, поднялся старшій Демонъ
И къ берегу двинулся, эеирный щитъ
Откинувъ за плечо: огромный, круглый,
Свѣтился онъ своимъ широкимъ дискомъ,
Подобно шару свѣтлому луны,
Которую слѣдитъ мудрецъ Тосканскій
Въ подзорную трубу съ высотъ Фьезолы
Или въ Вальдорно, мысля отыскать
На шарѣ пестромъ слѣдъ лѣсовъ и горъ.
Столѣтняя сосна, съ высотъ Норвежскихъ
Снесенная для мачты адмирала,
Вождя морей,—вблизи его копья
Была бъ жезломъ ничтожнымъ. Опираясь
На то копье, ступалъ по жгучей почвѣ
Онъ постудью не той, какой скользилъ
Въ поляхъ лазури; и палящій зной
Къ нему спускался съ огненнаго свода.
Но, все стерпѣвъ, достигнулъ берега онъ
Пылавшихъ волнъ, и съ зовомъ обратился
Къ своимъ полкамъ. Тѣснясь они лежали.
Такъ въ Валломброзѣ, въ чашахъ Этруріійскихъ,
Листвой осенней кроются ручьи;
Такъ бурные валы пестрятъ осокой,
Когда свирѣпымъ вихремъ Оріона
Бушуетъ Море Черное, чьи воды
Войска Мемфиса грозно сокрушили.
Они рвались со злобнымъ вѣроломствомъ
Сгубить сыновъ Гесема,—но самихъ
Постигла гибель, и въ смѣшеніи жалкомъ
Въ волнахъ катились всадники и кони.
Такою жъ тьмой лежали нынѣ Духи,
Въ позорѣ, замѣшательствѣ паденья,
На огненномъ потоцѣ. Мощный зовъ
Сотрясъ глубъ ада.—Власти и Вельможи,

Цвѣтъ Неба,—чуждаго отнынѣ вамъ,—
Возможно ли такъ слабости поддаться
Безсмертнымъ Духамъ? Иль избрали ложе
Для отдыха вы послѣ тяжкихъ битвъ,
И нѣжите усталую отвагу,
Какъ нѣжились въ обителяхъ небесныхъ?
Иль поклялись въ постыдномъ униженіи
Всесильнаго вы обожать? Онъ видитъ
Катящихся въ смятеніи Херувимовъ,
Знамена и оружья разбросавшихъ;
И вскорѣ вслѣдъ слетятъ его полки
Насъ раздавить, иль молніей змѣистой
Насъ пригвоздить къ пучинѣ. (Пробуждайтесь!
Воспряньте! иль на вѣки пали вы!

Услышали, смутились и возстали,
Простерши крылья: такъ на стражѣ люди,
Когда въ дремотѣ вождь застигнетъ ихъ,
Спѣшать возстать, не отряхнувши сна.
Хоть сознавали бѣдствія свои,
И яростныя ихъ терзали муки,
На гласъ вождя возстали ихъ ряды.
Такъ нѣкогда, въ день тяжкій для Египта,
Жезломъ взмахнулъ могучимъ Моисей,
И саранча явилась черной тучей
Съ восточнымъ вихремъ, и нависла мглой
Надъ грѣшною страною Фарооновъ,
И воцарилась ночь въ долинахъ Нила.
Такой же тучей Духи зла роились
Надъ сводомъ Ада, и со всѣхъ сторонъ
Ихъ окружали пламенные волны.
Когда же знакъ имъ подалъ Сатана,
Подъявши жезлъ,—взвились и полетѣли
Къ окрѣпшей сѣрѣ, и спустились стройно,
Покрывши всю обширную равнину.
Ничто при нихъ безчисленныя орды,
Изъ Сѣвера застывшихъ нѣдръ потопомъ
Упавшія на Югъ: когда прошли
Дунай они и Рейнъ и захлестнули
Живой волной Ливійскіе пески.